

© 1999 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СУББОТЫ (ШАББАТА) В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Шаббат (*Šabbat*), Суббота – один из древнейших и главнейших еврейских праздников, отмечаемый каждый седьмой день недели.

Согласно традиции, на шестой день творения Бог окончил всю Свою работу. «И благословил Всесильный день седьмой, и освятил его, ибо в онный почил от всего труда Своего» (*šavat mi-kol mela'hto*) (Быт. 2:3). Характерно, что в этом отрывке слово «шаббат» отсутствует; указывается только, что каждый седьмой день – это сакральный день отдыха Бога. Соблюдение Шаббата – одно из главных и, очевидно, древнейших предписаний в иудаизме. Так, в книге Договора (считающейся большинством исследователей древнейшей частью Пятикнижия) заповедь чтить день седьмой встречается дважды, причем только один раз, в Декалоге, этот день, в который следовало прекращать работу, называется Шаббат: «Помни день Шаббата, чтобы освятить его; шесть дней работай и делай всю работу свою, а день седьмой – Шаббат для Яхве, Всесильного твоего: не совершай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец твой... ибо шесть дней творил Яхве небо и землю, море и все, что в них и почил в день седьмой; поэтому благословил Яхве день Шаббата и освятил его» (Исх. 20:8–11). В другом отрывке этот день не имеет особого обозначения: «Шесть дней делай работу свою, а в день седьмой пребывая в покое (согласно другому толкованию "делай перерыв" – *išbt.* – Е.Н.), пусть отдохнет бык твой, осел твой, и пусть отдохнет сын рабыни твоей, и пришелец» (Исх. 23:12). Таким образом, уже в древности прослеживались две тенденции: 1) схема 6/7 – шесть рабочих дней и седьмой, никак не обозначаемый день священного отдыха (в более поздних текстах указывается, что этот день благословил Яхве); 2) *b/yom ha-šabbat* (день Шаббата), происхождение которого связано с сотворением мира и отдыхом Всевышнего. По-видимому, еще до Вавилонского плена или вскоре после него иноплеменника, чтившего Шаббат, стали причислять к «дому Яхве» (Ис. 56:2–7).

До сих пор среди ученых нет единого мнения относительно происхождения и первоначального характера этого праздника. Существует много гипотез, иногда взаимно исключающих друг друга. Но в целом можно выделить несколько основных точек зрения по данному вопросу.

1. Первоначальный характер Шаббата нередко рассматривают в контексте лунного культа, причем ученые расходятся в том, был ли этот день связан с лунными фазами или же с полнолунием. Культ Луны был широко распространен в древности у народов Восточного Средиземноморья, в особенности у семитов. Сторонники весьма распространенной гипотезы утверждают, что Шаббат – исконно еврейский институт, день сакрального отдыха, обозначавший границы лунных фаз¹. Однако, поскольку продолжительность лунного месяца равняется 29 с половиной суток, соответственно и продолжительность периода одной лунной фазы превышает семь суток. Следовательно, еще в глубокой древности, когда евреи придерживались чисто лунного календаря (до IV в. до н. э.), празднование Шаббата должно было перестать совпадать с лунными фазами.

¹ Велльгаузен Ю. Введение в историю Израиля. СПб., 1909. С. 97; Rowley H. Worship in Ancient Israel. Its Forms and Meanings. L., 1967. P. 99.

Многие исследователи полагают, что Шаббат первоначально был не еженедельным, а ежемесячным праздником, связанным, наряду с новолунием (новолунием), с полнолунием. Действительно, в ряде библейских текстов новолуния, Субботы и праздники (*haggim*) упоминаются в одном ряду. Однако в других текстах о Шаббате говорится вне всякой связи с новолуниями (и другими праздниками). Скорее всего упоминание о Шаббате вместе с новолуниями и *haggim* могло указывать на их примерно равную значимость (термином *hag* обозначали три главных паломнических праздника, во время которых все взрослые мужчины должны были совершить паломничество в местное святилище, посвященное Яхве, а после централизации культа в конце VII в. до н. э. – Иерусалимский храм; это день опресноков – *hag ha-masot*, День недель – *hag ha-šavu'ot* и Суккот). Нередко утверждают, что Шаббат возник у евреев в результате заимствования из культуры Вавилона, где особыми ритуалами отмечали наступление новолуния (*vaḥrum*) и полнолуния. Последнее обозначалось термином *šab/pattum* – «полнота Луны»². Однако в Вавилоне в этот день не было обычая прекращать работу. Существует также гипотеза, согласно которой Шаббат обозначал не «полноту Луны», а ее рождение, т.е. новолуние³.

2. Первоначальный характер и происхождение праздника, как иногда полагают, находятся в тесной зависимости от сакрального числа «семь» (*šev'a*). Магия чисел была широко распространена на Востоке. Число «семь» (а также кратные ему) на Ближнем Востоке, в том числе у евреев, считалось счастливым, было выражением полноты, завершенности. Таков Субботний год – каждый седьмой год, во время которого надлежало прощать долги и давать отдых пашне. Через семь семилетий – 49 лет – наступал Юбилейный год, когда, согласно законодательству, следовало отпускать рабов на волю и возвращать земельные участки, отобранные за долги. Семь дней надлежало отмечать праздники Пресных хлебов (*hag ha-masot*) и Суккот. Семь недель отделяли праздники Песах и Шавуот, на небе насчитывали семь планет, в Иерусалимском храме приносили семь «хлебов предложения» и т. д. Седьмой день творения – это также день завершения трудов Яхве и Его священного отдыха.

3. Объяснить характер праздника предлагается исходя из значения глагола *švt*. Однако первоначальное значение этого глагола – «приходить к концу», и в этом значении он употребляется в текстах, относящихся к допленной эпохе. И только в послевоенных текстах он употребляется в смысле «прекращать (работу)», т.е. «отдыхать».

4. Высказывается предположение, что этот праздник стали отмечать каждый седьмой день под воздействием вавилонской культуры. В Вавилоне существовали так называемые «неблагоприятные дни» (*umū lemnu*), падавшие на 7-е, 14-е, 19-е, 21-е, 28-е число каждого месяца. Они были посвящены Сатурну и считались опасными; в это время царю, жрецам и представителям некоторых профессий не рекомендовалось выполнять определенные виды деятельности⁴. Противники этой теории обращают внимание на то, что вавилонские «неблагоприятные дни» считались опасными не для всего народа, а только для указанных выше лиц и, кроме того, не были днями отдыха⁵. Замечу, что эта гипотеза не объясняет не только необходимости отдыха вообще, но сакрального отдыха в каждый седьмой день. Более того, евреи никогда не считали Шаббат «неблагоприятным» или «опасным», но, напротив, днем, который благословил Всевышний.

5. Существуют также гипотезы, согласно которым праздник связан с культом Сатурна (считавшимся в то время седьмой планетой, обладавшей неблагоприятным воздействием), с царской властью, табуированием определенных дней и занятий,

² Никольский Н.М. Еврейские и христианские праздники. М., 1931. С. 34; Kanof A., Greenberg M. Sabbath // Encyclopedia Judaica. V. 14; Jerusalem, 1974. Col. 559; Robinson G. The Origin and Development of the Old Testament Sabbath. Frankfurt am Main, 1988. P. 60 f.

³ Snaith N.H. The Jewish New Year Festival. L., 1947. P. 194.

⁴ Никольский. Ук. соч. С. 62–66; Smith G. Assyrian Discoveries. L.–N.Y., 1875. P. 12; Segal J.B. The Hebrew Passover. L., 1964. P. 161.

⁵ Robinson. Op. cit. P. 160–162.

общих для многих примитивных народов, и ряд других⁶. Иногда высказывают сомнения, следует ли Шаббат вообще рассматривать как календарный праздник. Ни одна из перечисленных выше точек зрения не стала, таким образом, общепризнанной.

Для того, чтобы попытаться лучше понять первоначальный характер и эволюцию Шаббата, необходимо обратиться как к письменным источникам, так и к обрядности этого праздника. Как уже говорилось, в книге Договора, в Декалоге предписывается прекращать работу в каждый седьмой день (Исх. 20:8–10; см. также Исх. 23:12; Втор. 5:12–15). Во Второзаконии предписание не работать в седьмой день связано с Исходом евреев из Египта: «Соблюдай день Шаббата, чтобы освятить его, как повелел тебе Яхве, Всесильный твой. Шесть дней работай и делай всю работу твою, а день седьмой – Шаббат для Яхве, Всесильного твоего: не совершай никакой работы ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя... чтобы отдохнул раб твой и рабыня твоя, как ты. И помни, что рабом ты был в стране Египетской, и вывел тебя Яхве, Всесильный твой... Поэтому повелел тебе Яхве, Всесильный твой, отмечать день Шаббата». При этом в указанных текстах не уточняется, какие именно виды деятельности запрещены в этот день.

В ряде текстов, относящихся к допленной эпохе (2 Царей. 4:22–23; Ис. 1:13; Амос. 8:4–7; Гош. 2:11–15 и др.), нет речи о табуировании всякой работы. Рассмотрим некоторые из них. Так, во 2-й книге Царей (4:22–23) повествуется о богатой сунамитянке, у которой умер ребенок и которая решила обратиться за помощью к пророку Елисею – «человеку Божьему». «И позвала (она) мужа своего и сказала: пришли мне одного из слуг и одну из ослиц, я поеду к человеку Божию и возвращусь. Он сказал: зачем тебе ехать к нему? сегодня не новолуние и не Шаббат». Как следует из этого отрывка, Шаббат скорее рассматривался как день посещения магических целителей или прорицателей, оракулов и пророков («людей Божьих»), и такое посещение могло быть связано с дальней поездкой. (Как известно, более поздние установления запрещают поездки и перевозку поклажи в Шаббат.) Вполне возможно, однако, что некоторые виды деятельности уже тогда были табуированы. Так, Амос (8:5) обличает богатых и неправедных людей, ждущих, чтобы прошли новолуния и Шаббаты, дабы свободно торговать хлебом, и говорящих: «Когда-то пройдет новомесячие, чтобы нам продавать хлеб, и Шаббат, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену шекеля и обманывать неверными весами». Не исключено, что в то время было запрещено совершать и определенные виды сельскохозяйственных работ. Косвенным подтверждением этому может служить древнееврейский остракон, найденный при раскопках в Явне-Яме (Минат-Рубин) и датированный примерно VII веком до н. э. (так называемая «жалоба земледельца»), в котором упоминается прекращение жатвы *Irpū šbt*. Многие ученые переводят это как «накануне Шаббата» и видят здесь конкретное указание на субботний отдых⁷. Однако не все согласны с таким переводом, отмечая, что это выражение в данном контексте может означать просто «перед отдыхом» или «перед перерывом»⁸.

В ряде допленных текстов (Ис. 1:13; Амос. 8:4–7; Гош. 2:11–15), а также в более поздних отрывках (Иезек. 45:17; 46:1–3; Нехем. 10:32–33; 2 Пар. 2:4 и др.), как уже отмечалось, Шаббат упоминается наряду с новолуниями (*roš-hodeš*) и праздниками (*haggim*). Во многих других текстах такое сопряжение отсутствует. Вероятно, Шаббат, как и паломнические праздники (Песах, Шавуот, Суккот) и дни новолуний, был одним из наиболее значимых праздников, отмечавшихся, как и они, с большим размахом. По мере усиления борьбы с языческими культами, пророки все чаще протестовали против разнузданного (возможно, оргиастического) характера празднований новолуния и Шаббата. Такой характер празднеств отождествлялся ими с торжествами, управляемыми в «дни Ваалов», т.е. языческих праздников (Ис. 1:13; Гош. 2:11–13).

⁶ Более подробный обзор различных концепций: Ibid. P. 28–36.

⁷ *Amusin J.D., Heltzer M.L. The Inscription from Meced Mashavyahu. Complaint of a Reaper of the Seventh Century B.C. // Israel Exploration Journal. 1964. 14. P. 148–157.*

⁸ *Robinson. Op. cit. P. 90–92.*

После вавилонского плена Шаббат приобретает доминирующее значение в культовой практике. Именно к этому периоду относится выражение «Моя Суббота», т.е. Суббота (Шаббат) – сакральный день Яхве. Он стал восприниматься как знак завета между Яхве и народом Израиля. В этот день в Иерусалимском храме приносили обильные жертвы. Обязанность совершать жертвоприношения была возложена на «князя» (Лев. 24:8, 2 Пар. 2:4; Иезек. 45:17; 46: 1–4 и др.). Причем, если в книге Левит говорится только о хлебном приношении в Шаббат, то Иезекииль упоминает также скот, вино и масло. «А на обязанности князя будут лежать всесожжения и хлебное приношение, и возлияния в праздники, в новолуния и в Шаббаты» (45:17).

Только в текстах, относящихся к эпохе вавилонского плена и после пленной эпохе, встречаются четкие предписания прекращать работу во время Шаббата: прервать пахоту и жатву (Исх. 34:21), готовить пищу (Исх. 16:22–30), зажигать огонь (Исх. 35:2–3), собирать хворост (Чис. 15:32–34), выносить поклажу за пределы Иерусалима (Иер. 17:21–23), причем нарушившему табу грозил карет – «истребление души» (см. Исх. 31:14–15; Чис. 15:32–36).

В эпоху 2-го Храма запрет работать в Шаббат стали понимать чрезвычайно широко, так что иногда он принимал крайние формы. Так, во время восстания Маккавеев против сирийского правителя Антиоха IV Эпифана (165–141 гг. до н. э.) повстанцы первоначально не сражались во время Шаббата, что влекло массовую гибель людей, поэтому в конце концов было принято специальное решение о необходимости защищать жизнь в Шаббат (1 Мак. 2:32–41). У сектантов запрет работать понимался как запрет всякой деятельности: так, у ессеев не было принято в этот день выходить из дому, передвигаться по жилищу, есть, пить и совершать естественные отправления (Flav. Bel. Iud. II.8.9.).

Такие крайние формы соблюдения запрета широкого распространения, естественно, не получили. Но еще аль-Бируни сообщал, что караимы во время Шаббата «не совершают совершенно никаких дел, даже обрезания детей; они откладывают их до последующего дня, в отличие от того, как поступают в этом случае раббаниты»⁹. В настоящее время караимы и самаритяне более строго следуют заповеди не совершать никакой работы в Шаббат. Вообще, согласно традиции, у караимов запрещено совершать любые действия, не связанные с богослужением, приемом пищи и отпращиванием естественных потребностей. Соблюдение Шаббата у самаритян также более строгое – они в этот день не выходят из дома, за исключением посещения синагоги, и не признают *evuv šabbat* (особой границы, в пределах которой передвижение в Шаббат у евреев дозволено). Они также не зажигают огня накануне Шаббата и проводят вечер впотьмах. В этот день у них табуированы половые сношения. У самаритян в Шаббат и другие праздники запрещено употребление вина и других возбуждающих напитков (в отличие от евреев, у которых употребление вина стало обязательным)¹⁰.

Постепенно в книжной культуре трактовка Шаббата меняется. Для Филона Александрийского Шаббат – день созерцания и изучения премудрости (Philo. De vita Mosis. I.3). В то же время вокруг этого дня складывается ряд легенд эстахологического характера. Так, уже после разрушения 1-го Храма возникла легенда о реке Шаббат-тион (Самбатсион), которая суха в течение 6 дней и наполняется водой на 7-ой (Flav. Bel. Iud. VII.5) или же, напротив, течет шесть дней и пересыхает в седьмой (Plin. HN. XXXI. 2), и на которой будет находиться восстановленное Израильское царство.

После разрушения 2-го Храма и отмены всех жертвоприношений характер Шаббата меняется: из общенародного, государственного института, имевшего важное значение в храмовой обрядности, он превращается в домашнее, семейное торжество, не

⁹ Бируни Абурайхан. Речь о днях, которые отмечают в своих месяцах евреи // Бируни Абурайхан. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. С. 313.

¹⁰ Gaster M. The Samaritans. Their History, Doctrines and Literature. L., 1925. P. 177–179. В отличие от самаритян и караимов, которые буквально толкуют библейский стих: «Оставайтесь каждый у себя, никто не выходит от места своего в седьмой день» (Исх. 16:29), у евреев не предписывается так строго ограничивать передвижение в Шаббат; раввины еще в средние века установили особую границу (*tehum šabbat*) – граница Шаббат (около 0,5 мили).

утратив, однако, своей первостепенной значимости как Божественного установления. По-видимому, в раннеталмудическую эпоху были зафиксированы многие основные шаббатные обряды, что нашло отражение в Мишне. Тогда же были разработаны подробнейшие предписания относительно соблюдения Шаббата: зажигание светильников накануне этого дня и запрета работы (этому посвящены в Мишне трактаты *Shabbat* и *Erubin*). В частности, было определено 39 видов деятельности, которые запрещалось выполнять в Шаббат (*Mishnah. Shab. 4:2*).

Обрядность Шаббата (в том виде, как она существует в настоящее время) в основном сложилась в эпоху средневековья. Но некоторые ритуалы, особенно те, которые упоминаются еще в Талмуде, несомненно очень архаичны. Каббалисты Цфата (Сафеда – одного из четырех священных для евреев городов Палестины наряду с Иерусалимом, Хевроном и Тибериадой/Тверьей) в XVI в. разработали особый ритуал встречи Шаббата. Этот ритуал, включивший ряд очень архаических элементов, впоследствии широко распространялся во многих еврейских общинах. Анализ шаббатной обрядности, на мой взгляд, может наряду с изучением письменных источников помочь прояснить первоначальный характер этого праздника.

Так, перед началом Шаббата принято зажигать свечи (не менее двух) – за 18 минут до заката (в Иерусалиме – за 40 минут). Обычно это делает мать семейства. Этот ритуал известен в Мишне и является одним из основных предписаний (*miṣwah*), обязательных для женщин. Согласно Мишне, нарушение этого предписания наряду с невыполнением заповеди отделять долю теста для субботнего хлеба (см. об этом ниже) и нарушением полового запрета (вступать в половые сношения в период менструации и семи «очистительных дней», следующих после нее, до обязательного омовения в микве – бассейне для ритуальных омовений) является одной из основных причин смерти женщин во время родов (*Mishnah. Shabbat. 2:6A–B*). В том случае, если в доме нет женщин, свечи зажигает мужчина. Этот ритуал впоследствии стал характерен и для других еврейских праздников. В древности у многих народов мира, в том числе у евреев, в качестве апотропейного средства использовали огонь как средство защиты от вредоносных духов (Лев. 16:22–23). Зажигание шаббатных светильников первоначально могло выполнять именно апотропейную функцию. Еще в начале XX в. у евреев существовало поверье, что пламя свечей отгоняет различных демонов, в особенности Лилит (злого духа женского пола, вредящего роженицам и новорожденным). Аграт бат Махаллат («танцующего демона крыш») и другую нечистую силу, которая становилась наиболее опасной в канун Шаббата¹¹. Существовали даже специальные молитвы для этого случая. Например: «Да горят мои свечи ярко, чтобы отогнать злых духов, демонов, и губителей – порождения дочери Махаллат, и всех, повинующихся Лилит. И да обратятся они в бегство от огня, который я зажигаю, и да не причинят они вреда мужчине, женщине или ребенку Твоего народа»¹². Согласно другому поверью, над пламенем свечей пролетают ангелы, поэтому женщине, зажегшей огонь, необходимо прикрыть глаза руками, чтобы не испугаться¹³. Характерно, что словом *malahim* (посланцы) в ТаНаХе обозначали как ангелов, так и демонов, поскольку и те, и другие рассматривались как посланцы Яхве. Количество зажигаемых свечей точно не определено, но по традиции их зажигают не менее двух, иногда зажигают по числу обитателей дома. Что касается формы и материала, из которого изготавливаются шаббатные подсвечники, то они весьма разнообразны. Точно не известно, какими были древнейшие шаббатные светильники (находимые при раскопках на территории Палестины глиняные светильники до сих пор точно не идентифицированы как шаббатные). Самые ранние светильники из Северной Африки (XVII в.), как и более поздние светильники из ряда восточных общин, по-видимому, повторяют в металле (бронзе, серебре и т.д.) форму глиняных масляных ламп¹⁴.

¹¹ *Shachar I. The Jewish Year. Leiden, 1975. P. 3.*

¹² *Ibid.*

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid. P. 4.*

В Шаббат устраивают три трапезы (*seudot*) – так же, как и в другие праздники (кроме Йом Киппура). В этот день запрещено готовить пищу, поэтому ее готовят заранее, как было предписано в Торе (см. эпизод с манной, которой на шестой день недели выпало вдвое против обычного: «И сказал он (Моисей) им: ... завтра покой, святой Шаббат, для Яхве: что будете печь, пеките, и что будете варить, варите» (Исх. 16:22–23).

Обычай печь особый хлеб для Шаббата, а также предписание о трех праздничных трапезах в этот день, как и ношение специальной одежды (последний обычай в наши дни утрачен) относят к первым векам нашей эры (*Mishnah. Taanit. 2:4B–2:5A*). У ашкеназов, а также у персидских евреев распространено название такого хлеба – *хала*, в то время как у сефардов специального обозначения для него нет. Согласно талмудическому рассказу, женщины должны были печь хлеб в пятницу, чтобы он был готов до наступления Шаббата (*Taanit. 25A*). До разрушения Иерусалимского храма женщинам следовало отдавать священнику кусок теста – как воспоминание о доле, которую приносили в жертву Божеству в то время, как ели хлеб: «Когда придете в страну, в которую Я веду вас, то, когда будете есть хлеб той земли, вознесите приношение Яхве. От начатков теста вашего вознесите лепешку: как приношение с гумна, так вознесите ее. От начатков теста вашего вознесите Яхве приношение во все поколения ваши» (Чис. 15:18–21; см. также *Mishnah, Hallah. 4:8C*). После разрушения Храма кусок теста, согласно предписанию, нужно бросить в огонь. Подобный обычай существует у мусульман, иногда его считают умиловительным приношением злым духам¹⁵. Возможно, однако, что этот обычай связан с жертвоприношением домашнему духу (домовому) и духам предков. Умиловительную функцию выполнял также существовавший в средние века обычай оставлять на столе в канун Шаббата хлеб и бокал вина. Тех, кто специально оставлял по вечерам кусочки хлеба на столе, в талмудическую эпоху называли идолопоклонниками¹⁶, вполне возможно, имея в виду и тех, кто оставлял пищу для духов предков. В пользу последнего предположения говорит существовавшее в ряде общин поверье, по которому человек, «едящий» и пьющий в ночь накануне Шаббата, «обкрадывает своих покойных». (В отдельных еврейских общинах в тех семьях, где недавно – до года – умер родственник, от еды и питья в сумерки накануне и после Шаббата воздерживались.) Некоторые исследователи полагают, что такие поверья и практика восходят к талмудической легенде об Ангеле смерти – *Dumah*, который по вечерам отпускает души умерших в поля: поесть и попить; следовательно, тот, кто пьет и ест в сумерки, лишает души умерших этой возможности¹⁷. Некоторые раввины трактовали такие действия как воспоминание о манне небесной, выпавшей накануне Шаббата, но многие авторитеты утверждали, что поступающие таким образом «накрывают стол для демонов»¹⁸. Не исключено, что такой обычай некогда представлял собой «кормление» духов предков.

Шаббат кончается через полчаса после заката особым благословением – *авдала* (*havdala*), разделением между Шаббат и буднями. Его совершает хозяин дома. На стол ставят бокал вина и коробку с пряностями (корицей) или ладаном, а в некоторых восточных общинах – ветки мирта. Новая неделя начинается с благословения над вином, над специями и над зажженной свечой, при этом вся семья вдыхает запах ладана, корицы или мирта. Употребление специй вызвало к жизни изготовление коробочек для них, превратившееся, в особенности в Европе, в художественное ремесло. Сам обычай вдыхать специи некоторые исследователи возводят к греческому обычаю воскурять благовония после трапезы¹⁹. Однако он может быть объяснен иначе. Так, существует поверье, что ночь после Шаббата (как и накануне него, о чем

¹⁵ *Schauss H. The Jewish Festivals. History and Observance. N.Y., 1973. P. 288.*

¹⁶ *Trachtenberg. Op. cit. P. 67.*

¹⁷ *Ibid. P. 68.*

¹⁸ *Ibid. P. 166.*

¹⁹ *Finkelstein L. The Jewish Religion. Its Beliefs and Practices // The Jews. Their Religion and Culture / Ed. L. Finkelstein. N.Y., 1973. P. 505; Shachar. Op. cit. P. 5.*

уже говорилось) особенно опасна, так как ночные демоны, в том числе Лилит, в это время приобретают наивысшее могущество (Pesachim. 12B). Согласно некоторым легендам, в канун Шаббата гаснут огни геенны (gehinnom), в которой грешники искупают свои грехи: а их души на время Шаббата получают свободу. На исходе же Шаббата эти погибшие души вновь возвращаются в геенну²⁰. Чтобы защититься от них, а также от других вредоносных духов, и применяли различные магические средства: зажигали свечильники, произносили специальные молитвы, вдыхали аромат специй. Последний обычай, по традиции, иногда объясняли еще и тем, что открытая, с погашенными огнями геенна издает столь ужасное зловоние, что защититься от него можно, только вдыхая запах специй²¹. Но это несомненно позднейшее объяснение семантики обряда.

В талмудической литературе и в фольклоре часто встречается сюжет о благочестивом человеке, который перед смертью просит своих родственников содержать в порядке его постель и его стол, так как накануне Шаббата он и после смерти будет приходить читать киддуш или изучать Тору, что впоследствии и происходило²². В некоторых сефардских общинах было принято накануне Шаббата посещать могилы родителей и оставлять там милостыню²³. Возникновение подобных представлений и обычаев может быть объяснено тем, что Шаббат замыкал недельный цикл и открывал новый, будучи их сакральным рубежом, а подобный рубеж, «переход», начало и конец какого-либо периода считались в архаических обществах опасными моментами, когда особенно активизируются различные духи, в том числе и духи умерших. Существовали разнообразные приемы, направленные на активизацию благотворных и нейтрализацию вредоносных свойств злых духов и духов умерших – задабривание, запугивание, изгнание в место первоначального обитания (нижний мир), обман или введение в заблуждение. Таким образом, отношение к разного рода духам было амбивалентным – их опасались и в то же время искали их покровительства, а отношения с ними строили на принципе дарообмена. Чтобы защититься от них и в то же время задобрить, принимали различные меры, совершая многочисленные, апотропейные и умиловительные обряды (зажигали огонь, вдыхали благовония, приносили в жертву пищу и т.д.), которые с течением времени постепенно трансформировались и утратили прежнюю семантику.

Структура обрядности Шаббата такова же, как и у многих других еврейских праздников: запрет работать, зажигание свечей женщиной, обязательные праздничные трапезы и т.п. Не исключено, что праздничная обрядность складывалась как бы по единому сценарию, образом которого были ритуалы Шаббата – одного из наиболее архаичных еврейских институтов. Существоют и ряд характерных для Шаббата особенностей: семейный характер праздника, подчеркнутая роль женщины, более строгое табуирование всякой деятельности.

Шаббат вообще имеет отчетливо выраженный характер семейного праздника: об этом говорит то, что он отмечается дома, в кругу семьи; большую роль в совершении обрядов играют мать и отец семейства; семейная трапеза; возможно, жертвоприношение домашнему духу. По-видимому, первоначально это был семейный (родовой) праздник, связанный с культом предков и домашним очагом, сопровождавшийся жертвоприношением домашнему духу и умиловительной жертвой предкам. Аналогичные культы домашнего очага, нередко связанные с культом предков и домашнего духа-покровителя, существовали у различных народов мира. Известные параллели можно обнаружить с культом ларов и пенатов у древних римлян, культом «хозяйки огня (очага)» у многих народов Сибири, культом домашнего божества (домового) у ряда

²⁰ *Schauss*. Op. cit. P. 36.

²¹ *Trachtenberg*. Op. cit. P. 175.

²² *Ma'aseh Sefer, Ma'aseh Book. A Book of Jewish Tales and Legends / Transl. from Judeo-German by M. Gaster. Philadelphia, 1934, № 125; Mimekor Yisrael. Classical Jewish Folktales Collected by Micha Joseph bin Gorion / Ed. by bin E. Gorion. V. 2. Bloomington – London, 1976. P. 688.*

²³ *Dobrinsky H. A Treasury of Sephardic Laws and Customs. N.Y., 1986. P. 229.*

народов Европы, культом Цзао-шэня – духа домашнего очага и одновременно семейного покровителя в Китае и др.²⁴ Для подобных культов характерны культ домашнего огня, особая роль женщины как его хранительницы, апотропейные и умиротворяющие ритуалы. Они имеют определенные аналогии в обрядности и предписаниях, касающихся Шаббата: зажигание свечей, вдыхание запаха специй, отделение части теста для шаббатного хлеба, особая роль женщины в ритуалах, семейный характер праздника. Таким образом, можно предположить, что Шаббат – очень архаичный институт, вобравший в себя, по-видимому, черты двух праздников – сакрального для отдыха, посвященного Яхве, и семейного (родового) праздника, связанного с культом домашнего очага и культом предков, а также с обрядами перехода. По-видимому, в эпоху вавилонского плена произошла контаминация этих двух праздников. По мере укрепления монотеизма Шаббат все более воспринимали как день Яхве, связанный с сакральным числом «семь» (бывшим также Божественным числом) и освященным отдыхом – табуированием работы в контексте предания о сотворении мира. Более же архаичные представления, связанные с культом предков и домашнего очага, в результате борьбы с язычеством постепенно отошли на второй план и со временем были вытеснены на периферию официальной культуры, сохранившись, однако, в народной культуре – в обычаях и обрядах Шаббата.

Е.Э. Носенко

THE ORIGINS OF SABBATH (ŠABBAṬ) IN THE LIGHT OF ETHNOLOGICAL DATA

Ye.E. Nosenko

The article considers the problem of origins and original character of the Hebrew Sabbath (šabbat). To solve the problem the author takes into account both the traditional sources (Biblical and Talmudic texts) and ethnological data (descriptions of rituals, folklore and the data of comparative ethnology). These data enable the author to conclude that Sabbath is a combination of two feasts: (1) a family feast connected with ancestor worship, homehearth and *rites de passage*, a feast accompanied by offerings to the spirit of the home, an expiatory offering to the ancestors and apotropaic rituals; (2) the sacral repose day devoted to Yahweh and connected with the sacred number of seven. The two feasts seem to have amalgamated with each other after the Babylonian Exile, when, as a result of suppressing the pagan cults, Sabbath began to be considered more and more in the context of the myth of Creation, while more archaic beliefs and practices were gradually marginalized by the official culture and survived only in the popular culture of Sabbath rites and customs.

© 1999 г.

THE ORIGINS OF PASTORALISM AND TRANSHUMANCE IN ITALY

Introduction. In his extraordinary account of the Mediterranean world in the sixteenth century «La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II» (P., 1949), the French historian Fernand Braudel identified one particular theme as important before all others in the long-term history of Mediterranean settlement: the relationship between the lowlands and the uplands, farmers and shepherds – what he described evocatively as the «slow-furling wave»

²⁴ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М., 1983. С. 460 сл.; Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 48–51; Токарев С.А. Первобытные формы религии. М., 1990. С. 245–251; Иванов В.В., Топоров В.Н. Домовой. Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 391 сл.; Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. С. 391 сл.